

Режиссер, который ничего не хочет делать

Рассказав о семи повешенных, Миндаугас Карбаускис начинает работу над «Мертвыми душами»

Независимая - 2005 - 23 фев. - с. 12

Светлана Полякова

О режиссере Миндаугасе Карбаускисе, окончившем в 2001 году режиссерский факультет РАТИ на курсе Петра Фоменко, неловко говорить как о «модном» или «востребованном» режиссере. У него репутация интеллектуального режиссера. Недавняя премьера Театра Табакова, «Рассказ о семи повешенных» по рассказу Леонида Андреева, – очередное тому подтверждение.

- В одной из рецензий на премьеру «Рассказа о семи повешенных» я прочла, что «Андреев, спору нет, писатель второстепенный...» и что «мужественный режиссер Карбаускис всегда заступает за нелюбимых».

– Действительно, есть в России группа людей, которая имеет к Андрееву отношение не очень благосклонное. Мне нравится чувствительность Андреева к окружающему миру. Мне кажется, это его фраза, что «есть одно понятие, которое не имеет отношения к смерти, – это человеческая глупость». Мне нравится, что он писал и плакал: две строчки напишет и заплачет. Я так не могу, поэтому мне это нравится. В рассказе он написал про семь человек, а в письмах писал, что если их тысяча семь, то это невыносимо. Я не отличаюсь такой сверхчувствительностью. Поэтому Андреева очень уважаю. Я вообще многое понял, когда увидел его фотографии – он фотографировал семью, себя, друзей... Как-то мне сразу стало понятно: лицо и человек – абсолютно современные. Кроме того, он долго жил в Прибалтике, он знал дни без солнца...

– Мне кажется все же, что такие вещи, как «Рассказ...», «Старосветские помещики», «Когда я умирала», может ставить только человек, в котором есть способность к состраданию.

– Что во мне есть, я узнаю только в конце работы над спектаклем. Если ты хочешь что-то делать, куда-то погрузиться, значит, тебе этого не хватает. У меня чаще бывает желание ничего не делать, чем что-то сделать. Потому что я, наверное, по природе – цельный человек, ощущаю себя таким – могу просто так лежать на диване... А что получилось – определяется постижением чего-то: того, что ты узнаешь за пять дней до премьеры, за три дня до премьеры. Вот эта вот черед открытий человеческих и профессиональных и есть основной момент при выборе материала.

– Как вам живется на русской сцене с литовским менталитетом? Дмитрий Назаров рассказывал, что во время репетиций «Дяди Вани», не понимая, чего вы добиваетесь, задавал вам вопрос: «На каком языке вы думаете?»

– Думаю я на том языке, на котором говорю. Но мы же общаемся на языке разных школ. Обязательно надо переводить! Себе на пользу надо переводить – чтобы не замыкаться на том, что я знаю и в чем мне комфортно. А когда артист нервничает, скандалит, это – на пользу, значит, что-то происходит.

Вдумчивый Карбаускис. Мысли о жизни, они же – мысли о смерти. Фото Михаила Гутермана

– На что вы ориентируетесь при выборе актеров?

– Я не очень дружу с артистами, и артисты, мягко сказать, не очень дружат со мной. При постановке Андреева такие отношения были бы невозможны – уже невозможно было бы не дружить, шла по-настоящему студийная, сознательная работа. А в остальных случаях – по-разному бывает. Артист для меня – иногда препятствие, иногда – помощь, иногда – просто артист. Я очень часто расстаюсь с артистами во время работы. Не из-за личной неприязни – когда летали скамейки в «Когда я умирала», я не менял артистов. Менял, когда понимал, что артист достиг максимального уровня компетентности и этот уровень – недостаточен. Я вообще люблю работать с артистом – как с профессионалом, а не с человеком. Ведь я работаю не с одним актером, а с пятнадцатью, с семнадцатью. А каждый из них воспринимает меня так, как будто я работаю только с ним...

– Вам интересно сформировать свою команду актеров?

– У меня есть своя команда! Приходите на «Рассказ о семи повешенных» – это моя команда. На сегодня...

– Вы помните тот момент, когда вы впервые ощутили власть над людьми, как режиссер...

– Первым человеком, кричащим на подчиненного, которого я увидел в жизни, был мой отец, председатель колхоза, ругавший комбайнеров. И в моих глазах это

было не в пользу отца. Мне казалось – так нельзя! Но когда я сам впервые закричал на актера, то понял, что от этого никуда не деться, понял, почему отец кричал. Когда делаешь дело, либо ты идешь на какие-то эмоциональные потери, которые потом компенсируются результатом, либо ты не сделаешь дела. Все эмоции уходят в дело. Это зона, о которой потом хочется забыть – такая профессия. Эта власть не имеет никакой сладости, это такая горькая очень власть... Ты можешь обидеть человека, ты все время

– Не вижу смысла в такой цели – сохранить свой почерк.

– А в Москве кого смотрите? Скажем, Серебренникова...

– Если журналистам так нравится, я согласен быть вечным оппонентом этому человеку ради игры, ради спорта – кто кого опередит... Но на самом деле я оппонентом ему не являюсь. И очень хорошо к нему отношусь. У него не активность, а какая-то гиперактивность, и мне это очень нравится, я бы с удовольствием узнал, как это все образуется.

Если журналистам так нравится, я согласен быть вечным оппонентом Серебренникову

влияешь на другого – это только ответственность, ничего хорошего в этой власти нет. Поэтому, мне кажется, режиссерская профессия – не очень хорошая.

– Вы сравниваете себя с кем-нибудь из режиссеров? Кто для вас образец?

– Уже не сравниваю – молодость прошла. Если раньше был, может быть, один образец, то сейчас их – шесть-семь-восемь. Если раньше все упиралось в одно лицо, то сегодня каждое свежее, точное находит во мне эмоциональный отклик.

– Это не мешает сохранять свой почерк?

– Вы обсуждаете с кем-то свои мысли, связанные с работой, с мироощущением?

– Я – человек сочиняющий. Что-нибудь сочиню, кому-нибудь расскажу, получу отклик...

– Что вы сочиняете?

– Я иногда не помню того, что прочитал, и я должен обязательно кое-что пересочинить...

– То есть «Мертвые души» вы собираетесь пересочинить...

– Дай бог прочесть.

– Скажете, кто будет играть в «Мертвых душах»?

– Не скажу!

– Ну хотя бы Чичикова...

– Чичиков – Безруков.